

Друзья «Вечерки»

Виз Москва -
1995 - 22 июня - 4

Он выдержал паузу по-королевски

В одном известном телевизионном фильме опытный актер, наставляя начинающую актрису, говорит слова, ставшие поистине нарицательными: «Чем больше актер, тем больше пауза». Трудно не согласиться с этим, если речь идет о сценической паузе. А если подобная наступает в жизни самого артиста? В этом случае судьба не щадит ни статиста, ни премьера — каждый выживает как может.

Артист Центрального академического театра Российской Армии Федор Чеханков неожиданно возникшую паузу в театре заполнял работой на эстраде. Вел многочисленные концерты, придумал и сам осуществил музыкальный бенефис с ностальгическим названием «Давай пожмем друг другу руки!». Его имя то и дело мелькало в отчетах о разного рода актерских тусовках. Честно говоря, даже самые преданные почитатели артиста Чеханкова отчаялись когда-либо увидеть

слаб душой и на поступки не способен. Став невольным виновником гибели Риччо, секретаря Марии Стюарт, он еще больше отдаляется от нее. На считанные секунды луч света выхватывает лицо Генри-Чеханкова — оно бледно и безжизненно. Красный цвет заливают его руки. Став убийцей, в скором времени этот человек превратился в жертву.

В отличие от своего реального исторического прототипа, Генри-Чеханков вызывает сочувствие и сострадание. Королевское в нем уступает человеческому — свою корону он легко бы отдал за один благосклонный взгляд Марии Стюарт. Не трагедия борьбы за власть, а безысходность одиночества становится главной темой роли.

Это особенно очевидно во второй сцене. Чеханков проводит ее сидя в кресле. Его тело расслабленно, как-то даже опущено, на черном покрывале резкой тенью выделяются белые, без-

жизненные руки. Кажется, что этот человек не способен сделать ни шага. Душевная усталость более чем физическая болезнь разъедает его душу, лишая при этом последних сил.

Генри-Чеханков то кричит, то погружается в глубокий бред. За обман Марии он хватается, как за соломинку, в глубине души все-таки понимая истинную причину ее столь странного визита. Но, видимо, последняя надежда покинет этого человека вместе с жизнью.

Перепады его состояний мгновенны и все же уловимы для внимательного зрительского глаза. Но при

Ф. Чеханков — Генри Дарнелль

его в новой театральной роли. Но он сам в многочисленных интервью повторял одни и те же слова о том, что готов к работе и ждет любых предложений.

Анонс спектакля «Ваша сестра и пленница» Л. Разумовской (режиссер А. Бурдонский) заинтриговал: в роли Елизаветы Английской — Людмила Касаткина, Марии Стюарт — Алина Покровская, Генри Дарнелля, второго мужа шотландской королевы, — Федор Чеханков.

Память сохранила довольно давнюю работу артиста в спектакле «Человек для любых пор» Р. Болта (режиссер И. Унгурану) — роль Генриха VIII. Она возникла тогда, когда Чеханков играл преимущественно в «легком» жанре, в том числе в знаменитом «Учителе танцев» Лопе де Вега. От этого сыгранный в другой, совершенно полярной, манере Генрих явился откровением.

Легкий грим в сочетании с какой-то особой, звериной, пластикой позволяли создать образ, с которым у артиста не было ничего общего. Сильный правитель, для него существовал лишь один закон — собственное желание, ради исполнения его он мог даже сменить веру в своей стране. Таким предстал английский монарх в исполнении Чеханкова.

«Ваша сестра и пленница», по сути, — бенефис двух актрис, но тем не менее у Федора Чеханкова здесь своя, отдельная, партия. Две сцены — и вся жизнь.

Вовлеченный в водоворот страсти и ревности, Генри — Чеханков все еще пытается доказать свои права на власть. В эти минуты гнева перед нами подлинный потомок королей. Но в отличие от своего царственного предка, Генриха VIII, он

в этом застанет врасплох его открытие: «Мария, ты приехала меня убить», произносимое как-то спокойно, даже безразлично. В эти мгновения стоит лишь заглянуть в глаза Генри-Чеханкова, чтобы понять всю боль и бесполезность подобного существования. Сама собой напрашивается простая, до банальности, истина — к чему все богатства мира, если за них приходится платить одиночеством, предательством близких, поступками, не свойственными человеческой натуре.

Чеханков сознательно, быть может, приглушает яркие краски, предпочитая им полутона. Пожалуй, на таком минимуме артист еще никогда не работал. От прежней легкости не осталось и следа, а пластическая свобода сменилась степенной статикой.

Кажется, что за годы простоя он столько накопил, передумал, перечувствовал. Не имея возможности высказать это в театре, он пытался вносить в эстрадные опыты нотки грусти и ностальгии по неосуществленному, превращая концертные номера в маленькие спектакли. Но место драматического артиста — на театральной сцене; истина — не нуждающаяся в доказательствах.

Часто так случается, что репертуарные планы не совпадают с интересами артистов. Это печальное несоответствие породило множество трагедий, разбитых судеб. Держать паузу на сцене — удел немногих, но выдерживать ее в жизни способны и вовсе единицы. Федор Чеханков из их числа.

К счастью, пауза, длившаяся четыре года, благополучно завершилась.

М. КАРАСЕВА.

141